

Глава 15

— А теперь телефоны и все закуски на стол. На сборы у вас десять минут. Время пошло.

Голос временного режиссера, усиленный мегафоном, прозвучал механически и безэмоционально, раскатившись по тихой деревенской окраине.

Площадка, где временно припарковались машины, была небольшой и напоминала небрежно брошенную на лоскутное одеяло полей серую заплату.

Мимо нет-нет да и проходили седовласые, изрезанные глубокими морщинами старики, возвращавшиеся с полей. Они с нескрываемым любопытством разглядывали диковинных приезжих, одетых совсем не так, как местные, и обвешанных огромными сумками.

Небо постепенно темнело. Гу Цзиньчэн подумал, что, зная характер Фан Цзинно, тот сейчас непременно закатит истерику.

Однако, к его удивлению, услышав команду, юноша вместо этого бросился к ближайшему чемодану.

Он лихорадочно распахнул его и принялся запихивать в рот шоколад, а в губах зажал большой фруктовый мармелад. Его щеки раздулись, как у хомячка.

— Подождите! — с трудом ворочая языком, пробормотал он. — Мне нужно друзьям написать! Не запускайте таймер!

В этой суматохе он даже умудрился всучить один мармелад Гу Цзиньчэну.

Гу Цзиньчэн уставился на гигантский десерт в своей руке, размером почти с половину его головы. Он не знал, как реагировать, и лишь молча стоял с непроницаемым лицом.

Тем временем Фан Цзинно, не теряя ни секунды, строчил пост в социальной сети, в котором яростно обвинял Ван Цаня в том, что тот «продал его в деревню», просил друзей не беспокоить его в ближайшее время и заявлял, что на месяц прекращает всякое общение со Сяо Ла.

Уже собираясь выключить телефон, он вдруг что-то вспомнил, открыл игру «Вырасти питомца» и отправил сообщение пользователю «Жизнь как игра»:

[В ближайшие дни я в затворничестве, в сети не появлюсь!]

Почти в то же мгновение телефон Гу Цзиньчэна вибрировал.

Он переложил мармелад в другую руку и, освободившейся правой, открыл игру. Взгляд упал на только что полученное сообщение.

Какое совпадение.

Он бросил взгляд на Фан Цзинно, который, сидя на чемодане, все еще отчаянно поглощал сладости, и, немного подумав, напечатал ответ:

[Почему?]

Увидев сообщение, Фан Цзинно закусил палец. Он не мог раскрыть, что участвует в съемках, поэтому набрал первое, что пришло в голову:

[Сессия, ухожу в затвор готовиться к экзаменам.]

Прочитав это, Гу Цзиньчэн отбросил все сомнения.

Оказывается, он еще студент.

Отправив сообщение, Фан Цзинно, словно выполнив важнейшую миссию, послушно протянул телефон съемочной группе.

— Все, можете запускать таймер.

Режиссер взглянул на секундомер.

— Осталось шесть минут.

Услышав это, Фан Цзинно округлил глаза, упер руки в бока и возмущенно закричал:

— Да вы издеваетесь!

— Осталось пять минут.

— Ненавижу вас! — бормоча проклятия, Фан Цзинно принялся распаковывать свои пять чемоданов в поисках одежды на ближайшие три дня.

Вещи и аксессуары в его багаже были свалены в одну кучу, напоминая поле битвы после урагана.

Он зарылся в этот хаос, и чем дольше искал, тем больший беспорядок создавал. Даже носки были разбросаны поодиночке, без пары.

Режиссер продолжал монотонно отсчитывать время. В отчаянии Фан Цзинно поднял голову и увидел, что Гу Цзиньчэн уже давно собрался.

У того было всего два чемодана. В одном аккуратными стопками лежала одежда, рассортированная по дням в специальные органайзеры. В другом — аптечка, лекарства и туалетные принадлежности, все разложено с идеальным порядком.

Ему потребовалось всего три минуты, чтобы без суеты упаковать все необходимое.

Затем его взгляд переместился на Фан Цзинно.

Какой беспорядок. Как можно было довести вещи до такого состояния?

В пяти чемоданах вперемешку валялись закуски, косметика, украшения, одежда и средства по уходу за кожей.

Он привез с собой кучу хлама, абсолютно бесполезного в данных условиях.

Пальцы Гу Цзиньчэна непроизвольно сжались в кулак, затем разжались. Он медленно закрыл глаза, предпочитая не видеть этого хаоса.

— Осталась одна минута.

— Да где же он... — лицо Фан Цзинно сморщилось от напряжения.

— Что ты ищешь? — не выдержал Гу Цзиньчэн, глядя на разгром вокруг.

— Ярко-синий берет! — не поднимая головы, ответил Фан Цзинно.

Гу Цзиньчэн подошел, присел на корточки и, порывшись во втором с краю чемодане, извлек из-под какой-то книги ослепительно-синюю вещь.

— Вот, — его голос был ледяным.

— Спас... — Фан Цзинно поспешно схватил берет, его щеки покраснелись от суеты. Он поднял глаза, встретился взглядом с Гу Цзиньчэном и тут же отвернулся, вздернув подбородок. — Даже не думай, что я скажу тебе спасибо!

И уж тем более не надейся, что я в тебя влюблюсь! Можешь сколько угодно пытаться мне угодить, ничего не выйдет!

— Как хочешь, — равнодушно ответил Гу Цзиньчэн, поднимаясь. Время вышло.

Он окинул взглядом пять распахнутых чемоданов, содержимое которых напоминало свалку, глубоко вздохнул и спросил:

— Не возражаешь, если я помогу?

Фан Цзинно непонимающе уставился на него.

Две минуты спустя он с открытым ртом наблюдал, как Гу Цзиньчэн методично и аккуратно раскладывает по категориям все содержимое его пяти огромных чемоданов. Хаос сменился идеальным порядком.

Закончив, Гу Цзиньчэн с удовлетворением выдохнул и закрыл последний чемодан, словно завершил работу над произведением искусства.

Перфекционист в нем был доволен.

Подняв голову, он заметил, что Фан Цзинно смотрит на него странным взглядом, а кончики его ушей пылают.

В голове у Фан Цзинно в это время бушевал ураган: «А-а-а! Я же ясно дал ему понять, что он мне не нравится, а он все равно демонстрирует, какой он заботливый и хозяйственный! Неужели это тот самый типаж из романов — снаружи лед, а на деле готов хоть белье за тобой стирать?..»

Фан Цзинно изо всех сил постарался придать лицу самое свирепое выражение, безмолвно крича: «МЕЖДУ НАМИ НИЧЕГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!»

Гу Цзиньчэн взглянул на камеру и решил, что прекрасно понял намек: Фан Цзинно боится, что он перетянет все внимание на себя.

Решив, что его позиция ясна, Фан Цзинно потер руки, по которым пробежали мурашки, и, подхватив свой маленький чемоданчик, повернулся, чтобы уйти.

Внезапно он вскрикнул:

— А где мой малыш?!

Сотрудники съемочной группы вздрогнули. В их головах пронеслись самые невероятные сценарии о тайных детях.

— К-какой малыш? — дрожащим голосом спросил один из них.

— Он в моей сумке с Дораэмоном, — Фан Цзинно принялся лихорадочно себя осматривать, но его трехсекундная память напрочь отказалась вспоминать, куда он дел сумку.

В самый разгар его паники маленькая сумочка спустилась с неба и закачалась прямо перед его носом.

Фан Цзинно просиял и уже потянулся к ней, как вдруг увидел, что ее держит Гу Цзиньчэн.

В его душе снова зазвенели тревожные колокольчики, предупреждающие о чрезмерной навязчивости, но руки действовали быстрее разума. Он выхватил сумку, осторожно достал свой камень-талисман и поцеловал его.

Целый, невредимый, прекрасный.

Гу Цзиньчэн молчал. Значит, все это время Фан Цзинно носил в сумке этот булыжник... и им же его ударил?

Ему несказанно повезло, что он остался жив.

Тем временем Фан Цзинно, подхватив чемодан, уже ковылял в сторону деревни. То ли долгий сон в машине, то ли последовавшие за ним рыдания придали ему сил. Несмотря на большую ногу, он подпрыгивал на здоровой и нарочито громко говорил:

— Некоторые только и знают, что копать! Скоро стемнеет, а мы все еще здесь!

Камень был брошен в огород Гу Цзиньчэна, который на мгновение застыл в раздумьях.

«И кто из нас копался?» — пронеслось в его голове.

Фан Цзинно вел себя так намеренно. Он скандалил и вел себя неразумно, чтобы отпугнуть Гу Цзиньчэна.

Он не хотел становиться геем!

На это шоу у него было две важные миссии.

Миссия первая: получить главную роль в «Человеке в зеркале»!

Миссия вторая: заставить Гу Цзиньчэна выбросить его из головы!

Полный решимости, Фан Цзинно продолжал скакать, пока его здоровая нога не наткнулась на острый камень. Он с глухим стуком растянулся на земле.

Гу Цзиньчэн неторопливо прошел мимо.

— Кто тут у нас медлит, м?

Еще мгновение назад гордый павлин теперь жалким комком лежал в пыли.

Гу Цзиньчэн подумал, что он это заслужил, и не хотел помогать, но, вспомнив о камерах, все же спросил:

— Встать можешь?

В ответ он увидел сидящего на земле юношу с глазами, полными слез. Тот поднял на него жалобный взгляд и срывающимся голосом произнес:

— Не твое дело!

Гу Цзиньчэн замер, а затем его брови сошлись на переносице.

Что еще за капризы?

Говорит, что помощь не нужна, а у самого слезы вот-вот хлынут из глаз. Уйти сейчас было бы бесчеловечно.

Вздыхнув, Гу Цзиньчэн присел рядом и, взяв Фан Цзинно за ногу, приготовился осмотреть ее.

Сильные, покрытые легкими мозолями пальцы легли на тонкую белую лодыжку.

Он не понимал, зачем с вывихом носить высокие кожаные ботинки.

Фан Цзинно вздрогнул от прикосновения, его уши мгновенно залились краской.

Гу Цзиньчэн мысленно закатил глаза. Здоровая нога была в порядке — лишь небольшая белая царапина от камня, даже без крови.

Какая нежность.

— Она сломана? — закусив губу, спросил Фан Цзинно.

Гу Цзиньчэн посмотрел на него, потом на сгущающиеся сумерки и, тяжело вздохнув, повернулся к нему спиной и присел.

— Залезай, донесу.

Он решил, что Фан Цзинно заслужил это тем огромным мармеладом.

Глава 15

— А теперь телефоны и все закуски на стол. На сборы у вас десять минут. Время пошло.

Голос временного режиссера, усиленный мегафоном, прозвучал механически и безэмоционально, раскатившись по тихой деревенской окраине.

Площадка, где временно припарковались машины, была небольшой и напоминала небрежно брошенную на лоскутное одеяло полей серую заплату.

Мимо нет-нет да и проходили седовласые, изрезанные глубокими морщинами старики, возвращавшиеся с полей. Они с нескрываемым любопытством разглядывали диковинных приезжих, одетых совсем не так, как местные, и обвешанных огромными сумками.

Небо постепенно темнело. Гу Цзиньчэн подумал, что, зная характер Фан Цзинно, тот сейчас

непременно закатит истерику.

Однако, к его удивлению, услышав команду, юноша вместо этого бросился к ближайшему чемодану.

Он лихорадочно распахнул его и принялся запихивать в рот шоколад, а в губах зажал большой фруктовый мармелад. Его щеки раздулись, как у хомячка.

— Подождите! — с трудом ворочая языком, пробормотал он. — Мне нужно друзьям написать! Не запускайте таймер!

В этой суматохе он даже умудрился всучить один мармелад Гу Цзиньчэну.

Гу Цзиньчэн уставился на гигантский десерт в своей руке, размером почти с половину его головы. Он не знал, как реагировать, и лишь молча стоял с непроницаемым лицом.

Тем временем Фан Цзинно, не теряя ни секунды, строчил пост в социальной сети, в котором яростно обвинял Ван Цаня в том, что тот «продал его в деревню», просил друзей не беспокоить его в ближайшее время и заявлял, что на месяц прекращает всякое общение со Сяо Ла.

Уже собираясь выключить телефон, он вдруг что-то вспомнил, открыл игру «Вырасти питомца» и отправил сообщение пользователю «Жизнь как игра»:

[В ближайшие дни я в затворничестве, в сети не появлюсь!]

Почти в то же мгновение телефон Гу Цзиньчэна вибрировал.

Он переложил мармелад в другую руку и, освободившейся правой, открыл игру. Взгляд упал на только что полученное сообщение.

«Какое совпадение».

Он бросил взгляд на Фан Цзинно, который, сидя на чемодане, все еще отчаянно поглощал сладости, и, немного подумав, напечатал ответ:

[Почему?]

Увидев сообщение, Фан Цзинно закусил палец. Он не мог раскрыть, что участвует в съемках, поэтому набрал первое, что пришло в голову:

[Сессия, ухожу в затвор готовиться к экзаменам.]

Прочитав это, Гу Цзиньчэн отбросил все сомнения.

Оказывается, он еще студент.

Отправив сообщение, Фан Цзинно, словно выполнив важнейшую миссию, послушно протянул телефон съемочной группе.

— Все, можете запускать таймер.

Режиссер взглянул на секундомер.

— Осталось шесть минут.

Услышав это, Фан Цзинно округлил глаза, упер руки в бока и возмущенно закричал:

— Да вы издеваетесь!

— Осталось пять минут.

— Ненавижу вас! — бормоча проклятия, Фан Цзинно принялся распаковывать свои пять чемоданов в поисках одежды на ближайшие три дня.

Вещи и аксессуары в его багаже были свалены в одну кучу, напоминая поле битвы после урагана.

Он зарылся в этот хаос, и чем дольше искал, тем больший беспорядок создавал. Даже носки были разбросаны поодиночке, без пары.

Режиссер продолжал монотонно отсчитывать время. В отчаянии Фан Цзинно поднял голову и увидел, что Гу Цзиньчэн уже давно собрался.

У того было всего два чемодана. В одном аккуратными стопками лежала одежда, рассортированная по дням в специальные органайзеры. В другом — аптечка, лекарства и туалетные принадлежности, все разложено с идеальным порядком.

Ему потребовалось всего три минуты, чтобы без суеты упаковать все необходимое.

Затем его взгляд переместился на Фан Цзинно.

«Какой беспорядок. Как можно было довести вещи до такого состояния?»

В пяти чемоданах вперемешку валялись закуски, косметика, украшения, одежда и средства по уходу за кожей.

Он привез с собой кучу хлама, абсолютно бесполезного в данных условиях.

Пальцы Гу Цзиньчэна непроизвольно сжались в кулак, затем разжались. Он медленно закрыл глаза, предпочитая не видеть этого хаоса.

— Осталась одна минута.

— Да где же он... — лицо Фан Цзинно сморщилось от напряжения.

— Что ты ищешь? — не выдержал Гу Цзиньчэн, глядя на разгром вокруг.

— Ярко-синий берет! — не поднимая головы, ответил Фан Цзинно.

Гу Цзиньчэн подошел, присел на корточки и, порывшись во втором с краю чемодане, извлек из-под какой-то книги ослепительно-синюю вещь.

— Вот, — его голос был ледяным.

— Спас... — Фан Цзинно поспешно схватил берет, его щеки покраснели от суеты. Он поднял глаза, встретился взглядом с Гу Цзиньчэном и тут же отвернулся, вздернув подбородок. — Даже не думай, что я скажу тебе спасибо!

«И уж тем более не надейся, что я в тебя влюблюсь! Можешь сколько угодно пытаться мне

угодить, ничего не выйдет!»

— Как хочешь, — равнодушно ответил Гу Цзиньчэн, поднимаясь. Время вышло.

Он окинул взглядом пять распахнутых чемоданов, содержимое которых напоминало свалку, глубоко вздохнул и спросил:

— Не возражаешь, если я помогу?

Фан Цзинно непонимающе уставился на него.

Две минуты спустя он с открытым ртом наблюдал, как Гу Цзиньчэн методично и аккуратно раскладывает по категориям все содержимое его пяти огромных чемоданов. Хаос сменился идеальным порядком.

Закончив, Гу Цзиньчэн с удовлетворением выдохнул и закрыл последний чемодан, словно завершил работу над произведением искусства.

Перфекционист в нем был доволен.

Подняв голову, он заметил, что Фан Цзинно смотрит на него странным взглядом, а кончики его ушей пылают.

«А-а-а! Я же ясно дал ему понять, что он мне не нравится, а он все равно демонстрирует, какой он заботливый и хозяйственный! Неужели это тот самый типаж из романов — снаружи лед, а на деле готов хоть белье за тобой стирать?..»

Фан Цзинно изо всех сил постарался придать лицу самое свирепое выражение, безмолвно крича: «МЕЖДУ НАМИ НИЧЕГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!»

Гу Цзиньчэн взглянул на камеру и решил, что прекрасно понял намек: Фан Цзинно боится, что он перетянет все внимание на себя.

Решив, что его позиция ясна, Фан Цзинно потер руки, по которым пробежали мурашки, и, подхватив свой маленький чемоданчик, повернулся, чтобы уйти.

Внезапно он вскрикнул:

— А где мой малыш?!

Сотрудники съемочной группы вздрогнули. В их головах пронеслись самые невероятные сценарии о тайных детях.

— К-какой малыш? — дрожащим голосом спросил один из них.

— Он в моей сумке с Доразмоном, — Фан Цзинно принялся лихорадочно себя осматривать, но его трехсекундная память напрочь отказалась вспоминать, куда он дел сумку.

В самый разгар его паники маленькая сумочка спустилась с неба и закачалась прямо перед его носом.

Фан Цзинно просиял и уже потянулся к ней, как вдруг увидел, что ее держит Гу Цзиньчэн.

В его душе снова зазвенели тревожные колокольчики, предупреждающие о чрезмерной

навязчивости, но руки действовали быстрее разума. Он выхватил сумку, осторожно достал свой камень-талисман и поцеловал его.

Целый, невредимый, прекрасный.

Гу Цзиньчэн молчал. Значит, все это время Фан Цзинно носил в сумке этот булыжник... и им же его ударил?

Ему несказанно повезло, что он остался жив.

Тем временем Фан Цзинно, подхватив чемодан, уже ковылял в сторону деревни. То ли долгий сон в машине, то ли последовавшие за ним рыдания придали ему сил. Несмотря на большую ногу, он подпрыгивал на здоровой и нарочито громко говорил:

— Некоторые только и знают, что копать! Скоро стемнеет, а мы все еще здесь!

Камень был брошен в огород Гу Цзиньчэна, который на мгновение застыл в раздумьях.

«И кто из нас копался?» — пронеслось в его голове.

Фан Цзинно вел себя так намеренно. Он скандалил и вел себя неразумно, чтобы отпугнуть Гу Цзиньчэна.

Он не хотел становиться геем!

На это шоу у него было две важные миссии.

Миссия первая: получить главную роль в «Человеке в зеркале»!

Миссия вторая: заставить Гу Цзиньчэна выбросить его из головы!

Полный решимости, Фан Цзинно продолжал скакать, пока его здоровая нога не наткнулась на острый камень. Он с глухим стуком растянулся на земле.

Гу Цзиньчэн неторопливо прошел мимо.

— Кто тут у нас медлит, м?

Еще мгновение назад гордый павлин теперь жалким комком лежал в пыли.

Гу Цзиньчэн подумал, что он это заслужил, и не хотел помогать, но, вспомнив о камерах, все же спросил:

— Встать можешь?

В ответ он увидел сидящего на земле юношу с глазами, полными слез. Тот поднял на него жалобный взгляд и срывающимся голосом произнес:

— Не твое дело!

Гу Цзиньчэн замер, а затем его брови сошлись на переносице.

«Что еще за капризы?»

Говорит, что помощь не нужна, а у самого слезы вот-вот хлынут из глаз. Уйти сейчас было бы

бесчеловечно.

Вздыхнув, Гу Цзиньчэн присел рядом и, взяв Фан Цзинно за ногу, приготовился осмотреть ее.

Сильные, покрытые легкими мозолями пальцы легли на тонкую белую лодыжку.

Он не понимал, зачем с вывихом носить высокие кожаные ботинки.

Фан Цзинно вздрогнул от прикосновения, его уши мгновенно залились краской.

Гу Цзиньчэн мысленно закатил глаза. Здоровая нога была в порядке — лишь небольшая белая царапина от камня, даже без крови.

Какая нежность.

— Она сломана? — закусив губу, спросил Фан Цзинно.

Гу Цзиньчэн посмотрел на него, потом на сгущающиеся сумерки и, тяжело вздохнув, повернулся к нему спиной и присел.

— Залезай, донесу.

Он решил, что Фан Цзинно заслужил это тем огромным мармеладом.

<http://bllate.org/book/13677/1211866>